

Марина БУВАЙЛО

Марина Бувайло родилась в Баку. По образованию врач. С 1981 года живет в Лондоне, работает психиатром. Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый мир», «Звезда» и др. Автор книг «Эх, дороги» (М.: НЛО, 2006), «Игры» (М.: НЛО, 2009), «С.П.У.М.С.» (М.: НЛО, 2011). В «Волге» публикуется с 2012 года.

РАССКАЗЫ

У нас на районе

Весной темнеет поздно, и занятые неспешным общением друзья не сразу поняли связь между опустевшим двором, закрывшейся палаткой в конце дома у ворот и отсутствием Любки, Любаша или тети Любы – для кого как.

То есть не связь, а отсутствие связи, то есть, чтобы понятно посторонним было, палатка закрывалась в восемь, к этому времени вернувшиеся с работы женщины успевали приготовить ужин, спешили бабки, загоняли детей домой, вслед за ними брели оголодавшие мужчины, двор пустел, но ещё до этого появлялась Любка, Любаша, тётя Люба, она же Любовь Васильевна, регистратор из районной поликлиники и, матом и по всякому (к её чести и к чести друзей не всегда матом, потому что иногда к её приходу всё было готово, и она сдерживалась), заставляла дружков дяди Коли транспортировать его домой. Дело не лёгкое, потому что после инсульта дядя Коля не истощал, как полагалось бы инвалиду, а наоборот, благодаря поддержке друзей поправлялся и поправлялся как на дрожжах. Да и то сказать, даже детей-дистрофиков после всяких войн, голода и болезней пивными дрожжами отпаивали, потому что в них витамины. Ну вот, на витаминах дядя Коля после инсульта выжил и поправился. Довольно сильно, так что так просто на третий этаж и не втащить. Но дружба есть дружба, наловчились, дотаскивали вместе с коляской до тёплого коридора и делали ноги, пока Любка ещё во что не запрягла. Вообще-то баба она была не стервозная, кормила дядю Колю и в грязи не содержала, перед работой в тёплом коридоре оставляла, чтобы дружки его прямо оттуда забирали, а в квартиру не шлялись. Ну, поругается или трубку скафандра космического выкинет, которую Серёга ему приспособил напитки пить. Так и что, новую отрезать не проблема, заводу не убудет.

Установив необычность ситуации, не только не расстроились, а даже как-то порадовались за Любку, вот отгул баба взяла, в гости, может, или в кино, а то перед праздниками на концерт или даже в кафе с коллективом. Но весна весной, а всё ж потемнело, и магазин тебе не ларёк, не набегаешься – далеко.

Давай мы тебя, дядь Коля, наверх доставим, Любаша придёт, а ты уж и на месте.

А дальше... дальше хуже. Потому что домой Любовь Васильевна не явилась, и хоть стучал дядя Коля здоровой стороной по коляске, мычал изо всех сил, никто не отреагировал и мер не принял. Утром соседи обнаружили его в коридоре, но удивились не сильно, потому что иногда Любка с самого ранья на работу бежала, а уж лужа под креслом дело житейское, у ихней же двери, придёт – вымоет. Мычал-мычал дядя Коля, но соседи – не Любка и не дружки, в мычание его не вникали. Только когда сползаться под грибок на детской площадке стали, кто с работы заглянул, кто проспавшись после ночной, кто просто проспавшись, когда дяди Коли до кворума хватать не стало, разобрались.

Забеспокоились и в поликлинику звонить стали, а им говорят, да она ж в отпуск ушла, со вчерашнего дня ещё, дома ищите. Дверь в квартиру толкнули, открылась, прикрыта только. Там порядок, в холодильнике щи и котлеты с макаронами, а на столе записка – ухажу насовсем, не желаю дальше жизнь тратить на пьяницу проклятого. Где

пенсия лежит сам знаешь. Всю сразу не пропей. С приветом твоя бывшая жена Любовь Васильевна

Квартира 13

Почему-то не могу вспомнить номер, кажется, что 13, вряд ли, но пусть будет так.

Молодой профессор женился после смерти матери, когда-то владелицы квартиры, уплотнённой в разные годы доживающими свой век родственниками и пришлыми строителями социализма. Женился, как водится, на студентке и прописал её у себя. Поначалу в квартире жило довольно много людей, но когда я попала туда – Майка привела – оставались только красавец водопроводчик Эдуард, высокая, надменная Таисья Петровна (которая, пренебрегая настоящим именем Эдуарда, прозвала его Васькой, и прижилось, потому что водопроводчика, да ещё такого пьяницу, куда удобнее звать Васькой), и Майкина «семья» – две мачехи и отец-профессор, к тому времени уже немолодой. Комнат в квартире было шесть, две в начале коридора, отдельные, в них жили чужие, одинокие – Васька, и Таисья Петровна, остальные смежные, анфиладой, их занимали Майкины родственники. Имелась ещё «комната для прислуги» – каморка, отделённая перегородками часть коридора, – ну и кухня со столами и шкафчиками, по одному на ответственного квартиросъёмщика.

Профессор, женившись на девчонке, вероятно, сравнивал неумелую и капризную жену с матерью, у которой вся жизнь, всё хозяйство были отлажены, несмотря на перипетии первой половины двадцатого века, и справлялась она с бедами пострашней убежавшего молока и пригоревшей яичницы не надувая губ и не заливаясь слезами. Во всяком случае, моложавый профессор довольно скоро подружился, а потом и ввёл в дом женщину постарше жены, – привел на свою большую, но неудобную для враждебного проживания жилплощадь. Так вот, женщины, жены – бывшая и новая – враждовать не стали, а напротив, старшая взяла шефство над младшей и потихоньку обучала не только искусству готовки, но и умению обращаться с мужчинами, всяким мелким хитрым навыкам. Поощряла и помогала в организации любовных свиданий с неким женатым человеком. Молодая оказалась хорошей ученицей, профессор – ревнивым.

Как-то так получилось, что... не то чтобы одновременно он был мужем обеих женщин, но то одна, то другая отыгрывали его, он перебирался, собственно даже не перебирался, все его вещи находились в той проходной комнате, где за шкафами и портьерой был ещё матерью обустроен ему кабинет, большой, светлый, с кожаным диваном и креслом, письменным столом у окна, так что, оставаясь большую часть суток на своей территории, только спать уходил... от кабинета то влево, то вправо.

Причём это всегда горячо обсуждалось всеми участниками, на время прекращались общие обеды, разделялись, с тактичным участием Таисьи Петровны, кухонные принадлежности, полки в холодильнике. Ссор между женщинами не было, но молодожёны на время уединялись в своё медовое существование. Которое, естественно, заканчивалось. Рано или поздно возобновлялись совместные готовки, трапезы. Потом после какой-нибудь ссоры между супругами профессор и на ночь оставался в своём кабинете... Потом...

Годам к 70-ти профессор внезапно стал заметно сдавать, быстро поседел, обнаружили стенокардия, диабет, подагра, и больше он уже никуда не перебирался, жил в своём кабинете под надзором и опекой обеих женщин.

Тут-то и появилась Майка. Оказалось, что по время очередных размолвок и бесхозности профессор был утешаем... ну, женщиной, тоже бывшей студенткой. Поскольку та женщина была не только независимой, гордой, но и достаточно вздорной, долгосрочные отношения с ней не складывались, однако завелись мальчик и девочка. Навещал он детей не слишком часто и на коротко, приносил деньги и подарки, изредка

водил в театр или в музей, и в голову ему не приходило привести их домой. Но тут подросла Майка и, поскандалив с матерью, отправилась искать отца, который по нездоровью и вовсе исчез из жизни детей, тем более что мать, да и брат, всё с большим раздражением относились к его посещениям.

После первого изумления обе мачехи...

Так что вскоре Майка уже жила в четвёртой, используемой вечерами как столовая, комнате и безраздельно владела семейной каморкой. Я практически поселилась там, не в каморке, а вообще в квартире. Моим первым любовником стал Эдуард-Васька, не потому что я любила его или он меня. Просто я зашла в квартиру, когда никого кроме него не было дома, и он, напоив меня чаем, в тот момент он не был в запое, вообще он пил не как другие, ежедневно или подчиняясь зарплате (плату водопроводчики получают от благодарных подхалимствующих клиентов всё время), пил подчиняясь внутреннему, может быть лунному циклу, напоив чаем, он бесцеремонно пересадил меня к себе на колени... Мои одноклассники до этого тоже пытались, но так неумело, что кроме смеха и неловкости ничего из этого не получалось. Потом, вручив мне мой школьный фартук, который чуть раньше он внезапно содрал с меня, сказал: «Во, видишь! если влипнешь, не вздумай сказать, что от меня! Ты приходи, когда захочешь, но только когда я трезвый. Пьяный я за себя не отвечаю. И, вообще, не расстраивайся, не из-за чего».

В тот раз я ничего не поняла, но впоследствии оценила Васькино благородство. Вообще, во многом он действительно был благородным человеком, не только красавцем и отличным слесарем. И, по-своему, заботился обо мне. Даже сам выстирал и погладил фартук.

Я никому о Ваське никогда не рассказывала и приходила к нему, когда заведомо кроме него в квартире никого не было. Не часто. Если он оказывался пьян, в той начальной стадии запоя, когда ему хотелось поговорить, мы с ним просто подолгу разговаривали, совершенно не стесняясь друг друга. Мне он был интересен тем же, что и остальные жители квартиры – это было в своём роде уникальное погружение в чужую, а и тогда понимала, что чужая, жизнь. Хотя нет, не понимала, инстинктивно чувствовала... ну, подруга... её семья... сосед, всё в одном коридоре – так случилось, ну да, случилось, но у меня потом будет по-другому.

Можно подготовиться к экзамену за год, а можно и за неделю. Интенсивный жизненный опыт может стоить жизни, а может её спасти. За два с лишним года, проведённых в квартире 13, я получила концентрированную прививку широты взгляда и толерантности – иммунитет, который меня потом много раз выручал.

Мачехи вдвоём воспитывали Майку, а заодно и меня. С ними можно было говорить о том, о чём со своими матерями мы не то что не говорили, не могли и помыслить об этом. По разным причинам – Майка свою презирала за истеричность, моя была тепличным растением, выращенным сначала моей бабкой, потом пересаженным на такую же искусственную почву моим отцом, который обожал её, но, как я стала догадываться впоследствии, уже после знакомства с квартирой 13, и других женщин не пропускал. Лет до двенадцати я тоже была вполне тепличной, но потом крутая отцовская кровь выиграла во мне, и я стала бунтовать. Неожиданно отец, баловавший и оберегавший своих домашних от любых столкновений с жёсткими сторонами жизни, меня в этом бунте поддержал, и к пятнадцати годам я обрела свободу взрослого, но, если честно, достаточно глупого человека. Хотя училась я хорошо, может быть потому, что и в этом отец не разрешал матери контролировать меня, а может быть несмотря на.

Майкина семья в большой степени стала и моей тоже – я проводила с ними намного больше времени, чем дома – но всё-таки чувствовать себя так раскованно, как Майка, которая, в общем, тоже была приёмной, профессор был не в счёт, мне не удавалось. После ужина, почти всегда я оставалась на ужин, профессор уходил к себе, а мы, отодвинув грязные тарелки на часть стола, которую он освободил, закуривали. Майка и я курили с лагерь, в котором и познакомились, Людмила, старшая мачеха, курила тоже

лет с пятнадцати, а Зою, младшую, совратили мы, и она пускала клубы дыма даже более густые, чем наши, потому что мы-то свои честно фильтровали лёгкими, а она эту науку ещё не постигла.

Сидения за неубранным столом принимали разные формы. Начинали с обычной болтовни о школе, работе, прошедшем дне, иногда мачехи читали стихи, у них были разные вкусы, и стихи они читали разные, но не так, как в школе и, главное, не те. Мне больше нравились Евтушенко, Ахмадулина, Есенин – их читала младшая, Зоя, а Майке – Маяковский и Багрицкий. В Маяковского она просто влюбилась и донимала меня им к месту и не к месту, например, в метро громко: «Через час отсюда в пыльный переулок вытечет по человеку ваш обрюзгший жир...», я делала вид, что всё в порядке, но внутри сжималась – в отличие от Майки, я стеснялась привлекать внимание. Или вместо до свиданья: «дорогая, хорошая, дай простимся сейчас». Мы приносили с собой день, прожитый в другой обстановке, с другими людьми, но рано или поздно начинали задавать друг другу вопросы... Мачехи и я – достаточно деликатно, Майка – прямо и жёстко.

Мне казалось, что все, кроме меня, были абсолютно искренни, весь смысл наших разговоров состоял в искренности, которую мы не можем позволить себе с другими, и это мучило меня – а я и с ними не могу, НЕ МОГУ! Не могу рассказать им о Ваське, или о том, что я думаю о своей семье – отец был довольно большим партийным боссом, но при этом я знала, чувствовала, что партию эту он презирает и ненавидит, и учит меня, подспудно, не открыто, дойти до этого самой. И я, несмотря на то что его самого презирала за двоедушие, говорить об этом не могла.

Вообще «несмотря на» было в большой степени моим не то что девизом, девизы выбирают сознательно, было как бы определяющим моей жизни. То есть я как бы складывала свой опыт про запас, в тайную копилку и, несмотря на него, продолжала ходить в школу, писала контрольные и сочинения, готовилась в институт. Словно ангел-хранитель держал меня за руку и не подпускал к краю.

Профессор вскоре скоропостижно умер, и с его смертью женщины разъехались, потеряли интерес друг к другу.

Много лет спустя я узнала, что мы все, включая соседку Таисью Петровну, в разное время, а иногда и в одно, были любовницами Эдуарда...

Примерно тогда же я узнала, что Зоя писала... должна была под давлением? или по собственному выбору? и не только на профессора, на всех в квартире... мне неприятно думать об этом, я доверяла ей больше, чем другим...

С Майкой мы иногда перезваниваемся.

К Людмиле – очень старая, она живёт теперь в маленькой однушке в Тёплом Стане вполне одиноко, но неукоснительно следит за собой, подкрашивает волосы синькой и сбивает собственные кремы для рук и лица – я иногда заезжаю.

Переболев 13-й квартирой, я никогда не пыталась снова зайти туда, хотя Майка всё ещё живёт там.